

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курышева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА

УДК 94(47).084.6

Данная статья посвящена проблемам истории византиноведения и положению византиниста в России в 20–40-х годах XX в. В работе уточняются некоторые детали биографического характера ученика Ф.И. Успенского Мстислава Антоновича (Антоновича) Шангина (1896–1942) – филолога-классика, византиниста и палеографа. Автор статьи обнаружила новые архивные материалы в Архиве Академии наук г. Москвы, в Архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” (Севастополь), позволяющие существенно дополнить картину научной и организационной деятельности ученого в этот непростой для науки период существования.

Ключевые слова: М.А. Шангин, палеограф, репрессии науки, “Академическое дело”, каталог астрологических рукописей русских собраний, В.И. Вернадский, Институт истории науки и техники, Национальный заповедник Херсонес Таврический, история византийского книжного письма.

Key words: Mstislav Antoninovich Shangin, paleographer, the repression of scientists in Russia, “Academic trial”, a catalog of astrological manuscripts of Russian collections, Vladimir Ivanovich Vernadsky, Institute of the History of Science and Technology, the National Preserve of Tauric Chersonesos, the history of the Byzantine writing-craft and manuscripts.

20–30-е годы XX в. были переломной эпохой для всей отечественной исторической науки¹. Исключение не составила и вышедшая к началу XX в. на мировой уровень школа русского византиноведения, которая сохранилась после революции 1917 г., но была практически уничтожена в 30-е годы. Именно тогда были ликвидированы основные формы взаимодействия ученых, прервалось осуществление их научных предприятий и оказались неопубликованными уже готовые к выпуску в свет исследования. В итоге остался нереализованным накопленный богатейший на-

учный материал, прервалась передача творческого опыта, а имена многих ученых оказались вычеркнутыми из историографии.

Сейчас в рамках проекта “Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге” благодаря усилиям коллектива авторов под руководством И.П. Медведева в научный оборот введены личные фонды русских византистов, материалы биографического характера. Воссоздана довольно полная и объективная картина нереализованного научного наследия, обрисованы научные, общественные и политические взгляды ведущих византистов, прояснены и ключевые моменты судеб многих русских историков². Эти публикации могут служить отличным ориентиром для ознакомления с историей византиноведения в России этого времени.

Имя ученика Ф.И. Успенского (1845–1928) Мстислава Антоновича (Антоновича) Шангина (1896–1942) – филолога-классика, византиста и палеографа – известно лишь узкому кругу специалистов. Он прожил короткую жизнь, но оставил яркий след в науке как исследователь в редкой и мало кому доступной области изучения – греческой палеографии. Он правильно датировал греческие рукописи наших собраний, по мере возможности описывал историю изучаемых манускриптов на основании разновременных и разноязыких записей в них, расшифровывал тайнописные заметки, транскрибировал и издавал греческие тексты, что требует исключительно высокой квалификации. В частности, он изучал средневековые греческие рукописи астрологического содержания в истории естественнонаучных знаний Византии – область, в которой он стал первым исследователем и опубликовал новые источники по истории почти всех естественных наук (астрономии, математики, метеорологии, медицины, зоологии, ботаники). В целом же круг его научных интересов был чрезвычайно широк: его исторические, филологические и археологические статьи и заметки до сих пор сохранили свое научное значение, ссылки на его работы имеются в современных исследованиях Византии. А.М. Шангин обладал развитой историко-филологической интуицией, поэтому его работы с тонкими и верными наблюдениями по палеографии, филологии и истории до сих пор не потеряли своей актуальности.

Жизнь и научная работа М.А. Шангина сравнительно недавно стали предметом специального исследования С.Н. Гуковой на материалах санкт-петербургских архивов во втором томе “Рукописного наследия русских византистов”, издаваемом под редакцией И.П. Медведева³. Помимо сведений о биографии ученого там приведен полный перечень его работ, опубликованных и оставшихся в рукописях. До этого единственной публикацией о

М.А. Шангине был содержащий некоторые неточности некролог Б.Т. Горянова, напечатанный в первом номере новой серии послевоенного Византийского временника за 1947 г.⁴

Мы не так уж много пока знаем об этом русском ученом. Личный архив ученого пока не обнаружен. При изложении основных событий жизни и деятельности М.А. Шангина я опираюсь на публикацию С.Н. Гуковой и краткую автобиографию личного дела М.А. Шангина, сохранившуюся в московском Архиве РАН (далее: АРАН). Мои изыскания позволяют внести некоторые уточнения и дополнения в реконструкцию биографии М.А. Шангина. В Архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” в г. Севастополе⁵ и в АРАН в г. Москве⁶ мной обнаружены неизвестные материалы, позволяющие существенно скорректировать и дополнить картину научной и научно-организационной деятельности этого замечательного ученого⁷.

М.А. Шангин родился в Иркутске 4 февраля 1896 г. Отец его был “преподавателем средних школ”, умер в 1918 г. Будущий византист окончил Иркутскую классическую гимназию в 1914 г., затем классическое отделение Историко-филологического института (1918 г.)⁸, где стал учеником Ф.И. Успенского и “работал у академиков В.В. Латышева и А.В. Никитского”, как он напишет позднее в своей автобиографии⁹. В личном деле содержится также машинописная копия удостоверения об окончании М.А. Шангиным именно этого учебного заведения (а не историко-филологического факультета Петроградского университета, как пишет С.Н. Гукова) “с званием учителя гимназии по разряду древних языков”, с обязанностью “на основании ст. 883 т. XI, ч. 1, Св[ода]. Зак[онов]. уст[авов]. учен[ых]. учр[еждений]. и учебн[ых]. завед[ений]. изд[анных в]. 1893 г.¹⁰, прослужить не менее четырех с половиной лет на педагогических должностях по назначению Министерства Народного Просвещения”. Копия удостоверения подписана последним директором Института В.В. Латышевым¹¹. Одновременно М.А. Шангин окончил Археологический институт¹².

Его обучение и становление как исследователя пришлось на период, когда классическая филология как дисциплина стала пониматься как единство изучающих античность наук. Ведущее место при этом занимает собственно филология, однако большое значение придается комплексному изучению истории античности с привлечением не только письменных, но и различных археологических источников (эпиграфических памятников, рукописей, папирусов и т.д.). Такое двойное образование – филолога-классика

и археолога – хорошо объясняет будущую широту его исследовательских интересов.

По окончании института М.А. Шангин вернулся в Иркутск, где в течение двух лет работал преподавателем Иркутской губернской мужской гимназии. В 1920 г. он представил на конкурс свое исследование по истории античной религии на историко-филологический факультет Томского университета и был избран преподавателем греческого языка, где работал в 1920–1923 гг.¹³ В 1923 г.¹⁴ выдержал экзамен на звание магистра классической филологии и перешел на работу в Иркутский университет.

В январе 1925 г. при Ленинградском университете Шангин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную сочинениям афинского ритора IV в. софиста Гимерия, и был избран научным сотрудником 1-го разряда в Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, где проработал до весны 1930 г., когда попал “под общее сокращение штатов”.

Как и многие его коллеги-византинисты в 20-е годы Шангин принимает участие в деятельности академической Комиссии “Константин Багрянородный”, которая, расширив свои задачи и получив название Русско-византийской историко-словарной комиссии, с 1923 г. слилась с образованной в апреле того же года Комиссией по переизданию греческого словаря Дюканжа¹⁵. М.А. Шангин с 1925 г. состоял членом “Византийской комиссии при Академии наук”¹⁶. Для словаря Дюканжа он готовил материалы из сочинения Иоанна Каматира “О круге Зодиака” и по астрологической поэме Феодора Продрома¹⁷.

С самого начала своей научной деятельности М.А. Шангин особое значение придавал изучению греческих и латинских рукописей ленинградских собраний. В частности, он систематически исследовал рукописи Библиотеки Академии наук СССР, греческие рукописи Музея палеографии (собрание Н.П. Лихачева)¹⁸. Со временем Шангин стал одним из лучших знатоков греческих рукописей в России. С мая по август 1926 г. он командировался в библиотеки Ватикана и Парижа¹⁹. А с 23 декабря 1927 г. стал работать по совместительству как библиотекарь Отдела рукописей БАН (до 1 ноября 1931 г.). Параллельно с этой работой Шангин продолжает изучение рукописей, хранящихся в Иркутском университете, по-видимому, начатое еще во время его пребывания там, а также греческих и латинских кодексов, хранящихся в Томском университете, где также он находит материалы по истории русской образованности XVII в. Об этой его работе сохранились

только упоминания в записках ученого секретаря ИЛАЗВ Б. Казанского о сообщениях, сделанных в Комиссии Шангиным на эти темы, а также в его собственных отчетах о командировках 1927 и 1928 гг.²⁰

В 1927 г. молодой ученый избирается приват-доцентом ЛГУ с поручением курса греческой палеографии. В это время он активно публикуется в разных изданиях²¹. Небольшие по размеру источниковедческие работы Шангина, связанные с исследованием рукописной традиции памятников, – это всегда научные находки, публикации неизвестных памятников, проницательные нетривиальные наблюдения над, казалось бы, хорошо всем известными текстами. Сопровождающие их комментарии полны тонких филологических и исторических наблюдений²².

С 1928 г. М.А. Шангин работал в основанном Н.И. Бухариным и просуществовавшем в Ленинграде до 1936 г. Институте истории науки и техники (ИИНиТ) Академии наук СССР, который стал прямым преемником Комиссии по изучению истории знаний (КИЗ), созданной под руководством В.И. Вернадского еще в 1921 г.²³

Но работа ученого была прервана – М.А. Шангина в числе 86 обвиняемых, составивших “вторую группу”, привлекли по так называемому “Академическому делу” в 1929–1931 гг.²⁴ Сведения о том, что Шангин хотя и привлекался к следствию, но был быстро отпущен, как и В.Е. Вальденберг, недостоверны²⁵. После публикации в 2003 г. новых архивных данных²⁶ стало известно, что Шангина арестовали 14 ноября 1930 г. как “участника контрреволюционной монархической организации в Академии наук (“дело историков”)” по ст. 58–11 УК РСФСР, – в ходе допроса С.Ф. Платонов назвал М.А. Шангина в числе привлеченных им в монархическую организацию лиц из БАН²⁷. 10 февраля Шангин был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и оправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 19 марта 1932 г. ученый был освобожден из лагеря²⁸ в г. Кемь с лишением на три года права проживания в 12 пунктах. Показательно, что в анкетах личного дела в графе 32 на вопрос о привлечении к судебной ответственности Шангин отмечает: “привлекался к академическому делу в 1931 г., но освобожден постановлением Президиума ЦИКа Союза в 1932 г. 19/III”²⁹.

После освобождения из лагеря он не имел постоянной работы, жил в Тамбове³⁰ и продолжал работать для ИИНиТ “по написанию двух книг для международных изданий”³¹. Несмотря на

трагический перерыв в своей работе, М.А. Шангин не оставил научных изысканий. Всю его биографию определяет постоянная исследовательская работа, которую он делал, не поддаваясь внешнему давлению, каким бы оно ни было.

Самым значимым вкладом М.А. Шангина как ученого стал подготовленный им последний XII том Каталога астрологических рукописей русских собраний³², завершающий фундаментальный международный научный проект по изданию рукописей астрологического содержания (“*Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum*” – ССAG, 1898–1936). Это серийное издание, инициированное Международной ассоциацией академий и возглавляемое Францем Кюмоном (Franz Cumont), началось в 1898 г. Вышло в свет 11 томов описаний астрологических рукописей Италии (включая Флоренцию, Венецию, Милан и Рим), Австрии, Германии, Франции, Великобритании, Греции и Испании. Колоссальная работа над рукописями, произведенная международным объединением ученых, сделала Каталог уникальным изданием не только по истории естественнонаучных знаний античности и Средневековья (по астрологии, астрономии, математике, метеорологии, медицине, зоологии, ботанике и др.), но и по изучению греческой палеографии. По инициативе Академической комиссии по истории знаний исследование и издание астрологических рукописей собраний Советского Союза было поручено М.А. Шангину.

Ученый собирал материалы по этой теме с середины 20-х годов XX в. Следует отметить, что исследование астрологических текстов – трудное дело, требующее особой палеографической подготовки. Помимо опыта работы с рукописями, оно предполагает специальные глубокие знания в области астрологической литературы. В конце 20-х – начале 30-х годов Шангин уже готовит к изданию каталог греческих астрологических рукописей из собраний Советского Союза (Ленинград, Москва, Киев, Харьков), куда вошли описания 50 кодексов. С весны 1932 г. эта работа, начатая еще в КИЗ³³, проводилась по заданию ИИНИТ³⁴. Вышедший в 1936 г. как завершающий это издание том его описаний 50 рукописей удостоился самой высокой оценки таких признанных в мире специалистов, как члены Бельгийской академии наук Ф. Кюмон и А. Делатт³⁵.

В Архиве РАН в Москве в фонде В.И. Вернадского хранится машинописная копия его отзыва о М.А. Шангине³⁶, из которой становится ясно, что именно Вернадский рекомендовал Шангина для участия в международном проекте по изданию астрологиче-

ских рукописей из собраний СССР, а затем и алхимических манускриптов:

“2 февраля 1937 г.

В качестве бывшего Председателя Комиссии по истории знаний Академии наук /теперь Институт Истории науки и Техники/ я встретился впервые с М.А. Шангиным, интересовавшимся историей идей, учеником моего покойного друга крупнейшего византиниста академика Ф.И. Успенского³⁷. Ф.И. мне рекомендовал М.А. и, интересуясь историей греческой науки, я столкнулся ближе с М.А. Шангиным.

С тех пор – с 1928 года – я все время нахожусь в научной связи с М.А. Шангиным. Я, конечно, не могу судить о всех частностях его работы – но общую оценку ее значения могу дать. Я считаю, что М.А. Шангин за эти годы сделал огромную научную работу, которая получила соответствующую оценку от специалистов на Западе – в частном случае, одного из крупнейших специалистов в этой области бельгийца проф. Кюмона /... [F. Cumont]³⁸/ моего коллеги по ... [Sorbonne] в Париже. Через ... [F. Cumont] М.А. Шангину было поручено Институтом Истории Науки и Техники при Академии наук составление русского тома международного предприятия – каталога греческих рукописей по астрологии. Эта работа исполнена им прекрасно /по оценке ... [F. Cumont]/. Через Кюмона мне удалось добиться поручения М.А. Шангину по составлению русского тома в другом международном предприятии – Каталоге греческих алхимических рукописей /проф. ... [J. Bidez] в Бельгии – редактор/. Я считаю, что у нас М.А. Шангин является одним из самых больших знатоков этого важного отдела знания и деятельность его заслуживает самой энергичной поддержки.

Академик В.И. Вернадский”.

Именно В.И. Вернадский помог только что вышедшему из заключения М.А. Шангину, поддержав его работу по завершению каталога астрологических рукописей. Первое письмо Шангина Вернадскому 1932 г. свидетельствует об этом: “Весть о том, что Комиссия по Истории Знаний обо мне помнит и продолжает доверять мне опубликование в международном издании греческих астрономич. материалов, очень меня ободряет. Та мысль, что Классики Ленинграда не станут продолжать порученного мне труда, в котором я видел выполнение общественного долга, в который вкладывал свой исследовательский стиль и который должен был ввести в научный обиход новые материалы, – эта мысль в течение последнего года была для меня особенно тягостна, – но теперь надежда на то, что при поддержке Комиссии работа моя будет выполнена, – это возвращает меня к моему научному труду, к моему θεωρητικὸς βίος, за что я приношу Вам мою сердечную, искреннюю благодарность”³⁹.

Уже из Тамбова в мае 1932 г. Шангин снова пишет, что при содействии КИЗ ему удастся окончить работу для “*Catalogus codicum astrologorum graecorum*”, но для того, чтобы выписать в Тамбов необходимые для продолжения работы рукописи и материалы, просит выслать ему справку о порученной Комиссией работе: “Я позволил себе обратиться к Вам, потому что хорошо знаю Ваше доброе отношение к этой работе и ту Вашу большую инициативу, которая установила связь этой работы с публикацией Каталога”⁴⁰. В письмах 1933–1934 гг. он описывает свою работу в “своеобразных тамбовских условиях”: “...надежда поработать в столичных библиотеках меня поддерживает в моих занятиях. Теперь я особенно чувствую, что наука – это подлинная жизнь и что без интеллектуального труда нет вообще жизни”⁴¹.

С июня 1934 по январь 1935 г. Шангин через Вернадского связывается с Ф. Кюмоном и с издательством: набирается и верстается текст, идет работа над корректурой. К лету 1936 г. ожидается выход XII тома Каталога астрологических рукописей в свет (объем VIII стр. + 270 стр. + 6 таблиц). Шангин пишет, что с особенным чувством ждет этого события, чтобы переслать книгу Вернадскому в знак искренней признательности за то, что инициатива предприятия исходила от него, равно как и заботы по его осуществлению⁴². Из письма декабря 1936 г. мы узнаем, что Вернадский сердечно встретил получение переданного ему экземпляра “*Codices Rossici*”⁴³.

В январе 1935 г. впервые в письмах встречается упоминание о каталоге алхимических греческих рукописей в русских собраниях. Ученый секретарь ИИНиТ М.А. Гуковский⁴⁴ сообщает Шангину о том, что Институт запросил издателей алхимического каталога по вопросу о включении рукописей, находящихся в России, в это издание⁴⁵. В канун нового 1936 г., уже переехав в Ленинград, параллельно с чтением корректур Каталога астрологических рукописей М.А. Шангин заканчивает написание Каталога греческих алхимических рукописей. Предпринятый также по инициативе В.И. Вернадского в рамках второго крупного проекта по изданию алхимических рукописей мировых собраний под редакцией бельгийского ученого Жозефа Биде (*Joseph Bidez*)⁴⁶ новый каталог Шангина (“*Catalogue des mss. alchim. Grecs*”) должен был содержать описания 47 рукописей Москвы, Ленинграда и Харькова: “Моя работа объемом в 10 печатных листов (371 стр. моей рукописи) включает 5 отделов: 1) материалы по чистой алхимии; 2) *libri Koeranidum*; 3) материалы по алхимической медицине; 4) предлагаемые к изданию тексты; 5) статью об алхимических зна-

ках, в которой эти знаки сопоставляются с магическими. Я очень жалею, что не могу показать Вам свою рукопись и побеседовать, тем более, что новые материалы из наших собраний и обработка их побуждает меня заняться очерками из истории греческой алхимии. Во всем этом Ваши соображения были бы решающими”⁴⁷.

В.И. Вернадский был настоящим ученым-универсалом. Характер его естественнонаучных трудов предполагал широкую гуманитарную эрудицию. Особое значение он придавал истории научной мысли. Необходимым условием поступательного движения науки он считал “воссоздание исторической перспективы и реального значения идей, представлений и построений науки так, как они слагались исторически”⁴⁸. Именно поэтому его расположение к Шангину, видимо, было не только человеческой симпатией, но и признанием коллеги-профессионала. Как всякий настоящий ученый, Вернадский умел определять высокий класс исследования, даже не будучи специалистом в той или иной теме. Стоит напомнить, что Вернадский должен был особо разбираться в проблемах истории, ведь его сын Георгий Владимирович был именно историком⁴⁹ и занимался в принципе тем же периодом, что и Шангин.

После публикации дневников В.И. Вернадского за 1935–1941 гг. стало известно, что в 30–40-е годы М.А. Шангин был не просто знакомым, но и собеседником великого ученого. Шангин пользовался его неизменным расположением и поддержкой, посещал В.И. Вернадского, когда бывал в Москве. Из дневника В.И. Вернадского за 1941 г.: “...Мстислав Антонинович – настоящий человек, делающий по своим силам максимально. И в то же время морально настоящий, сильный духом – а физически слабый. Это умный наследник Ф.И. Успенского – верный его ученик, стоящий за науки своего времени – не *formalis*”⁵⁰.

Только из писем Шангина В.И. Вернадскому мы узнаем о судьбе издания Каталога греческих алхимических рукописей, который так и не вышел в свет. Законченная работа была передана М.А. Гуковскому уже 15 ноября 1935 г. – “принята и оплачивается”, но до сих пор не переслана издателем⁵¹; в феврале 1936 г. секретарь, наконец, собирается переслать ее издателю⁵²; в мае 1936 г. “*Catalogue des manuscrits alchimiques*” уже находился в издательстве, а ИИНиТ считает книгу принятой к печати⁵³. Но уже в июле 1936 г. Шангин пишет из Севастополя, что «перемещение Института Истории Науки отразилось не совсем благоприятно на моем “Каталоге”: затерялись корректурные листы конца книги (*indices* и *addenda*), высланные для подписи к печати; я был

принужден просить издателя сделать второй оттиск этих страниц. Надеюсь в начале августа получить эти листы и закончить работу над “Каталогом” вполне»⁵⁴. Больше сведений об этом издании в письмах нет. В отзыве академика И.Ю. Крачковского на работы М.А. Шангина 4 февраля 1938 г.⁵⁵ содержится информация, что алхимический каталог находился в то время в печати⁵⁶. Однако упоминание законченного каталога алхимических рукописей отсутствует и в автографах списков трудов Шангина, составленных в 1939–1940 гг., где упоминаются почти все его принятые к печати труды⁵⁷. В то же время необходимо отметить, что в списках своих работ 1939–1940 гг. в личном деле сотрудника АН СССР Шангин последовательно избегает употребления слов “астрологическая рукопись” путем их замены на “астрономическая рукопись” или редуцирования этого эпитета и какого-либо намека на астрологию в названии работы⁵⁸. Не связана ли такая словесная мимикрия с общим изменением веяний в науке, давление которых ощущал и пытался как-то уменьшить абсолютно чуждый марксизму Шангин? По-видимому, эта обстановка повлияла на кардинальную смену и последующих тем исследований ученого. Любопытно, что в уже упоминавшемся обзоре послевоенного состояния византиноведения в СССР Н.С. Лебедева среди опубликованного М.А. Шангиным “*Catalogus codicum astrologorum graecorum*” вообще не упоминается⁵⁹.

После увольнения из ИИНИТ в 1936 г. (по-видимому, в связи с переводом Института в Москву⁶⁰) Шангин не имел постоянного места работы. С апреля 1936 г. вместе со своей женой А.Ф. Вишняковой он был командирован по направлению Наркомпроса РСФСР в Херсонесский музей в г. Севастополь (Крым)⁶¹. Однако он уезжал в Ленинград, так как 3 мая 1936 г. подал в Квалификационную комиссию Академии наук заявление, в котором, приложив корректурный экземпляр “*Codices Rossici*”, просил признать его доктором. В письме В.И. Вернадскому он надеется на ходатайство перед председателем Комиссии академиком-коммунистом А.М. Дебориным⁶². Однако эта попытка, по-видимому, не увенчалась успехом. 21 мая 1936 г. директор Херсонесского музея Т.И. Никитина шлет ему по адресу “Ленинград, Крюков канал, 28, кв. 3” телеграмму: “Срочно выезжайте. Защиту степени. Поедете отсюда”⁶³. Так с июня 1936 до июня 1937 г. М.А. Шангин по распоряжению Наркомпроса РСФСР стал сотрудником Херсонесского музея в г. Севастополь⁶⁴.

В Архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” в Севастополе мной были обнаружены неизвестные ма-

териалы, позволяющие судить о том, что Шангин оказался там крайне востребованным научным сотрудником высокой квалификации в условиях острой нехватки обученных кадров⁶⁵. В характеристике, данной ему директором музея “доцентом по ленинизму” Т.И. Орловой-Никитиной в начале 1937 г. в характерной риторике того времени, отмечается, что Шангин “имеет колоссальные знания по древности. Положительная черта та, что активно принялся за подготовку нашего комсомола и ревниво оберегает их работу, помогая на каждом шагу. Обработал письменные документы /античные/, открыл очень интересный материал для изучения Херсонеса. Принимал очень деятельное участие в составлении плана по писанию Истории Херсонеса”⁶⁶.

Распоряжением Наркомпроса Крыма М.А. Шангин в 1936–1937 гг. командирован в Симферополь “для преподавания истории на курсах преподавателей-историков”⁶⁷.

Весь проведенный в Херсонесе год он вел активную научно-исследовательскую работу в фондах музея. В конце 1936 г. он напишет В.И. Вернадскому из Крыма: “Моя текущая работа идет по изучению неизданных письменных памятников и по линии преподавания греческого языка, который здесь, к моему изумлению, оказался всем нужен”⁶⁸. По плану музейной работы Шангин инвентаризировал эпиграфические памятники (“граффити на эллинистической посуде”), курировал экскурсоводов и музейную библиотеку, комплектуя ее необходимыми для научной работы книгами и руководя составлением каталога книг.

Шангин один из немногих научных сотрудников музея⁶⁹, кто делает в это время научные доклады, конструктивно обсуждает проект диссертации аспиранта В.П. Лисина, предлагает и читает лекции по исторической географии античного мира⁷⁰. Разительно отличаются темы докладов, поданные для нового музейного семинария М.А. Шангиным (“Школа Узенера и значение ее в новой науке истории знания”, “Византийская палеография и эпиграфика”, “Литература и ораторское искусство конца античности”) и А.Ф. Вишняковой (“Древняя Русь и Крым”), тогда как другие сотрудники предлагают темы своих докладов в духе “новой красной схоластики” о “Революции VII–VI вв. в Греции”, “Рабские восстания II–I вв. до н.э.”, “Разложение и гибель античного общества”, “Феодализация восточно-римской империи / начало византийской империи”⁷¹.

Первый доклад, подводивший итоги исследований материалов из раскопок Херсонеса, Шангин делает уже 7 декабря 1936 г. “О херсонесских надписях на камнях”, на 9 декабря назначается

доклад Вишняковой “О свинцовых печатях”⁷². Результатом этих исследований в Херсонесском музее вскоре станет издание их статей в “Вестнике Древней истории”⁷³. Несмотря на отсутствие в Крыму основного предмета его изучения – греческих рукописей, ученый находит и активно разрабатывает другие темы, близкие к его палеографическим интересам – эпиграфические материалы.

Почти два месяца – февраль и март 1937 г. – Шангин проводит в научной командировке и отпуске “для работы по греческим рукописям” в Государственном Историческом музее в Москве и в Публичной библиотеке в Ленинграде, во время которой он уполномочен музеем вести переговоры с администрацией БАН СССР о приобретении книг для музея⁷⁴.

После возвращения Шангина в Херсонес 26 апреля 1937 г. состоялось важное научно-производственное собрание сотрудников музея, на повестке дня которого стоял доклад о хозяйственном плане на 1937 г., вызвавший бурную дискуссию. Даже сухие строки протокола совещания отразили накаленную, если не сказать скандальную атмосферу этого заседания, вскрывшего научные, бытовые и финансовые проблемы музея. Некоторым диссонансом прозвучало лишь выступление Шангина, который прекрасным русским языком спокойно охарактеризовал обстановку и перечислил недостатки, которые необходимо устранить в дальнейшей работе музея. По-видимому, после этого заседания (в преддверии юбилейной выставки к 20-й годовщине революции и накануне музейной проверки органами Крымского Совета Народных Комиссаров, постановление которого о состоянии работы музея сохранилось в Архиве НЗХТ от 8 июня 1937 г.)⁷⁵, М.А. Шангин становится ученым секретарем музея: в архиве сохранились автографы его черновиков официальных писем в музейный отдел Наркомпроса РСФСР и Директору Библиотеки Академии наук СССР в Ленинград с просьбой прислать отобранные им из дублетного фонда БАН книги, необходимые для научно-исследовательской работы музея, в частности для написания истории Херсонеса⁷⁶. Сохранились также написанные его рукой по запросу музейного отдела Наркомпроса РСФСР должностные инструкции для директора, замдиректора и ученого секретаря музея⁷⁷.

Его же автографом является развернутый в виде таблиц “Отчет о работе музея в 1933–1937 гг.”⁷⁸ Сложность этого отчета состояла еще и в том, что с 1929 по 1935 г. Херсонесский музей, выйдя из состава Севастопольского музейного объединения, административно стал самостоятельным, находился на местном

весьма ограниченном бюджете при острой нехватке специалистов. В 1930–1933 гг. музей перешел в ведение Наркомпроса Крыма, а уже в 1935 г., получив статус историко-культурного заповедника, снова был переведен в распоряжение Наркомпроса РСФСР⁷⁹ и получил государственное финансирование. Хронологически этот отчет – последний архивный документ о пребывании М.А. Шангина в Херсонесе. По-видимому, несмотря на продление командировки Наркомпроса еще на год⁸⁰, он уехал из Севастополя из-за сложившейся в музее тяжелой атмосферы, не способствовавшей его нормальной работе⁸¹.

В своей автобиографии М.А. Шангин пишет, что с 1936 по 1939 г. в Ленинграде “исполнял специальные работы”, “работал по специальным темам” в Институте истории Академии наук – “греко-русские отношения, византийская политика на окраинах, политическая история Византии X в. и неизданные византийские материалы из собраний СССР”⁸². Работая, таким образом, по договору, он одновременно преподавал “в школах взрослых”, с осени 1939 г. состоял по совместительству преподавателем Педагогического института им. А.И. Герцена, а также сотрудником “Вестника Древней истории” и “Историка-марксиста”⁸³.

К январю 1939 г. относится его вторая попытка получить степень доктора наук без защиты соответствующей диссертации. Он получает отказ в присуждении докторской степени и решение Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР об утверждении его в ученой степени кандидата филологических наук⁸⁴.

После того как в 1939 г. при Ленинградском Отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР) формируется Византийская группа во главе с М.В. Левченко⁸⁵, Шангин становится одним из сотрудников этого центра византиноведческих исследований. По плану М.А. Шангин написал большую работу “Византийские источники о войне Святослава с греками”, которая так и осталась неопубликованной. Как пишет С.Н. Гукова, “судьбу рукописи определили отрицательный отзыв и отношение Левченко, а также неблагоприятная в целом ситуация, сложившаяся для М.А. Шангина в Ленинграде в этот период”⁸⁶. По-видимому, части этой работы были изданы в виде небольших статей по истории Византии и русско-византийским сюжетам (договоры Руси с греками, “внешней России”, о записке готского топарха), которые были опубликованы его женой А.Ф. Вишняковой уже после его смерти⁸⁷.

Весь массив документов, находящихся в личном деле М.А. Шангина в АРАН в Москве, относится к тому периоду жизни ученого, когда он с июня 1939 г. стал работать сначала по совместительству младшим научным сотрудником ЛОИИ, а затем осенью 1939 г. был принят в штат. В июне 1940 г. в Президиуме АН СССР в Москве младшим научным сотрудникам М.А. Коростовцеву и М.А. Шангину были присвоены звания старших научных сотрудников⁸⁸. Со временем, к февралю 1941 г. М.А. Шангин был утвержден в качестве старшего научного сотрудника и в ЛОИИ⁸⁹. К “делу” были приложены отзывы академиков И.Ю. Крачковского и Е.В. Тарле, дающие высокую оценку научным работам М.А. Шангина, уже опубликованные С.Н. Гуковой по материалам Санкт-Петербургских архивов⁹⁰. В случае с отзывом И.Ю. Крачковского мы можем быть почти уверены, что речь идет не о формальной отписке. Как мы знаем из историографических работ и воспоминаний А.А. Формозова, И.Ю. Крачковский отличался редкостной бескомпромиссностью, когда дело касалось оценки качества научной работы⁹¹. Он игнорировал традиционный для научного сообщества ложный гуманизм в отношении некачественных научных исследований и традицию потворства в занятиях наукой откровенно неспособным лицам. Другой отзыв дал академик Е.В. Тарле, который, в отличие от И.Ю. Крачковского⁹², не был специалистом в области ранней медиевистики и палеографии, однако в трудный момент поддержал ученого.

В деле также имеется характеристика из ЛОИИ, подписанная и.о. зав. Отделением С.Н. Валком⁹³ 17 апреля 1940 г.: “М.А. Шангин является одним из немногих в Союзе специалистов по истории Византии. В частности, он является лучшим у нас в настоящее время знатоком греческих рукописей, имеющих в наших хранилищах. Наряду с научной работой М.А. Шангин ведет педагогическую работу, занимаясь с аспирантами Института истории в Ленинграде и Москве”⁹⁴.

Другой большой темой, над которой М.А. Шангин работал на протяжении последних лет своей жизни, были сочинения писателя и архиепископа Кесарийского Арефы (около 850 – после 932 г.), – почти все публикации вышли после смерти ученого⁹⁵. Они явно не были доработаны автором – перед нами фактически черновики и подготовительные материалы.

До своей смерти после тяжелой болезни в эвакуации в 1942 г. в Махачкале (вариант того времени: Махач-Кала) М.А. Шангин успел защитить докторскую диссертацию “Византийское книжное письмо” в Институте мировой литературы АН СССР

в Москве весной 1941 г. Однако эта работа, подводившая итог его многолетним палеографическим исследованиям, была представлена к защите еще весной 1939 г. и встретила большое противодействие со стороны ленинградских коллег-византинистов⁹⁶. Все трудности при ее защите подробно описаны С.Н. Гуковой⁹⁷. Уже после войны в некрологе Шангина Б.Т. Горянов пишет, что в апреле 1945 г. Отделение истории и философии АН СССР на сессии, посвященной памяти Ф.И. Успенского, постановило издать эту законченную уже в 1940 г. работу Шангина как пособие для изучения греческо-византийской палеографии⁹⁸. Еще в 1957 г. в “Византийском временнике” в обзоре состояния ленинградского византиноведения имеется сообщение о том, что А.Ф. Вишнякова работает над подготовкой к печати работы покойного М.А. Шангина “Византийское книжное письмо”⁹⁹. Однако эта книга опубликована так и не была.

Творческий путь М.А. Шангина отражает пути и изломы гуманитарной науки первой половины XX столетия – приход в науку разночинной интеллигенции в самом начале века, формирование научных школ России (востоковедение, византистика, текстология русского летописания, археология), завершившееся блестящим выходом русских гуманитариев на мировой уровень. Затем – репрессии 30-х годов, означавшие конец осмысленной научной работы. И, наконец, попытки отдельных ученых, в том числе и М.А. Шангина, опубликовать хотя бы небольшую часть своих исследований в виде заметок (и в случае удачи чуть более развернутых статей) в потоке уже советской идеологизированной и цензурируемой “научной периодики”. Остается только пожалеть, что предсказанное ему Е.В. Тарле “большое научное будущее” в силу трагических обстоятельств так и не осуществилось.

¹Репрессированная наука / под ред. М.Г. Ярошевского. Л., 1991; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова / отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1993; *Ашин Ф.Д., Алтаев В.М.* “Дело славистов”: 30-е гг. М., 1994; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / отв. ред. В.А. Куманёв. М., 1995; In memoriam: Исторический сб. памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995; Скифский роман / под общей ред. ак. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2: Дело по обвинению ак. Е.В. Тарле. Ч. 1–2 / отв. ред. В.П. Леонов. СПб., 1998; *Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999; Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания. Антология / сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; под общей ред. В.П. Нерознака. М.,

- 2001; *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., 2002; *Парфянский выстрел* / под общей ред. ак. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / изд. подгот. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003; *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х гг.). М., 2004; *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-е – 1950-е гг.). Брянск, 2005.
- ² Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999; Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. Подведение итогов см.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение: страницы истории. СПб., 2005; *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010.
- ³ *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 497–520. Краткое изложение биографии М.А. Шангина имеется также в работе: *Тункина И.В.* Биографический словарь-указатель // Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 802.
- ⁴ *Горянов Б.Т.* М.А. Шангин: Некролог // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 381–385.
- ⁵ *Курьшева М.А.* М.А. Шангин – исследователь греческих астрологических рукописей русских собраний // Человек в мире религиозных представлений: тез. докл. и сообщений XIV Международ. конф. по истории религии и религиоведению (Севастополь 27–31 мая 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 35–37; *Она же.* Византист М.А. Шангин – сотрудник Херсонесского музея в 1936–1937 гг. // I Бахчисарайские чтения памяти Е.В. Веймарна: тез. докл. и сообщения Международ. науч. конф. (Бахчисарай, 5–7 сентября 2012 г.). С. 37–38.
- ⁶ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804 (Личное дело М.А. Шангина, 1939–1941 гг.); Там же. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823 (Письма М.А. Шангина В.И. Вернадскому, 1932–1941 гг.). Принишу сердечную благодарность сотрудникам Архива РАН и прежде всего И.Г. Таракановой за неоценимую помощь при ознакомлении с этими материалами.
- ⁷ Благодаря выложенным в Интернет оцифрованным описям Архива РАН (Информационная система “Архивы Российской академии наук”) можно на самом современном уровне производить поиск нужных документов на сайтах Архива РАН и Российской академии наук: <http://www.isaran.ru/?q=ru/opis&ida=1&guid=F4A6F904-17C7-77E6-E8CF-62FDDF1DA055>; <http://www.ras.ru/vivernadskyarchive/3.aspx?id=3&sorttype=&pi=38>; http://www.ras.ru/vivernadskyarchive/3_actview.aspx?id=2555 [просмотр от 04.12.2012 г.].
- ⁸ Императорский Санкт-Петербургский историко-филологический институт (ПИФИ, 1867–1918) – закрытое высшее учебное заведение для подготовки учителей древних языков, географии, русской словесности и истории; с 1914 по 1917 г. назывался Петроградским историко-филологическим институтом. Свидетельство об окончании ПИФИ приравнялось к диплому университета.

- В 1919 г. был реорганизован в Педагогический институт при Первом Петроградском университете и затем полностью слит с филологическим и историческим факультетами ЛГУ.
- ⁹ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 3, 11.
- ¹⁰ Имеется в виду первая часть тома XI Свода Законов – свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения, изданная в 1893 г.
- ¹¹ Там же. Л. 6.
- ¹² Там же; Архив Национального заповедника “Херсонес Таврический” (НЗХТ). Д. 391. Л. 42; имеется в виду Императорский Санкт-Петербургский археологический институт (1877–1922/23) – научно-учебное заведение для подготовки археологов и архивистов, срок обучения в котором был два года; преобразован в Отделение археологии и истории искусств факультета общественных наук университета.
- ¹³ *Леушина Л.Т., Фоминых С.Ф.* Классическая филология в Томском государственном университете и Санкт-Петербургские филологи-классики // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. № 2 (6). 2009. С. 118.
- ¹⁴ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 1 об., 3 об., 11; в статье С.Н. Гуковой указан 1922 г., по-видимому, ошибочно.
- ¹⁵ *Du Cange Ch.D.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688. О работе Комиссии см.: *Бенешевич В.* Русско-византийская комиссия. Glossarium Graecitatis // ВВ. 1926. Т. 24. С. 115–130; *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох... С. 4.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 3 об.–4.
- ¹⁷ *Бенешевич В.* Русско-византийская комиссия... С. 124; *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 501; *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение... С. 143, 173, 191, 206.
- ¹⁸ “Звучат лишь письмамена...”: к 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 55.
- ¹⁹ *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 499; со ссылкой на архивные материалы: ПФА РАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 286. Л. 4, 5. Важно отметить, что впоследствии в 30-е годы М.А. Шангин никогда не упоминал своих заграничных командировок: при заполнении Личного листка по учету кадров 27.10.1939 г. в графе 19 на вопрос “был ли за границей” Шангин напишет “нет” (АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 1), также он заполняет этот пункт в анкете от 08.06.1940 г. (Там же. Л. 9).
- ²⁰ *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 499–501.
- ²¹ Именно в это время одна за другой выходят его статьи, указанные в его архивных автобиографиях (АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 5–5 об., 13–13 об.), выверенный список которых был опубликован в исследовании С.Н. Гуковой (С. 519): 1) Греческий перевод Абу Ма’шара в рукописи Библиотеки Академии наук // Известия АН СССР. 1926. Сер. 6. 20. № 10–11. С. 907–916; 2) *Shangin M.* Sextus Empiricus in einer Handschrift der Russischen Akademie der Wissenschaften // Philologische Wochenschrift. 1927. S. 217–220; 3) Академическая рукопись Пиндара и Эсхила // Известия АН СССР. 1927. Сер. 6. 21. № 5/6. С. 192–210; 4) Ямбическая поэма Иоанна Каматира “О круге Зодиака” по Академической рукописи // Там же. С. 425–432; 5–6) Фрагменты греческих рукописей из Музея палеографии. Ч. 1 // Доклады АН СССР. 1927. Сер. В. № 7. С. 138–142; Ч. 2 // Там же. № 9. С. 200–203; 7) Академическая рукопись Григория Назианзина // Известия АН СССР. 1927. Сер. 6. 21. № 12–14.

- С. 997–1008; 8) Эрмитажная рукопись Панафинейской речи Элия Аристида // Там же. 1928. Сер. 6. № 4–7. С. 311–316; 9) Некоторые наблюдения из области античного фольклора // Известия ЛГУ. 1928. Т. 1. С. 89–99; 10) Греческая астрологическая рукопись из Музея Палеографии // Доклады АН СССР. 1928. Сер. В. № 11. С. 241–246; 11) *Epistola Mesallah in pluviis et ventiis* // Известия АН СССР. 1929. Сер. 6. № 11. С. 707–718; 12) Латинская астрологическая рукопись, принадлежавшая академику Г.В. Крафту // Доклады АН СССР. 1929. Сер. В. № 3. С. 39–44; 13) *Gergis Philosophus, Liber de astronomiae disciplinae peritita* // Известия АН СССР. 1930. Сер. 7. № 2. С. 145–158; 14) О роли греческих астрологических рукописей в истории знаний // Там же. № 5. С. 307–317; 15) К вопросу о средневековом “гадании по Пифагору” // Доклады АН СССР. 1930. Сер. В. № 36. С. 106–116; 16) Латинская парафраза из утраченного сочинения Маш’аллаха “Семь ключей” // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. 1931. Т. 5. С. 235–242; 17) Демон-кладовик // Советская этнография. 1934. Т. 4. С. 108–112.
- ²² См. оценку в обзоре состояния византиноведения в СССР историка-византиноведа, библиографа РНБ и библиофила Н.С. Лебедева (1893–1959): “Работы М.А. Шангина, как правило, отличаются тщательностью и безукоризненностью своего выполнения, особенно при издании текстов. М.А. Шангин, сопровождая такие издания своими комментариями, высказывает в них обычно оригинальные и свежие точки зрения” (*Лебедев Н.С.* Византиноведение в СССР 1936–1946 гг. // *Byzantinoslavica*. 1947–1948. IX/1. С. 97–112). Лебедев, без сомнения, был знаком с Шангиным, потому что в 1940 г. в Ленинградском Отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ) они работали вместе над сверкой перевода и комментариев к “Готской войне” Прокопия Кесарийского. См.: *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 515.
- ²³ *Дмитриев А.Н.* Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (Ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 3–36; Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сб. док. / сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб., 2003; правопреемником и продолжателем деятельности КИЗ и ИИНИТ АН СССР является Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
- ²⁴ *Перченко Ф.Ф.* “Дело Академии наук” и “великий перелом” в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235; *Брачев В.Н.* Служители академической науки. Академик С.Ф. Платонов. Профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. С. 419–420, 444–445.
- ²⁵ Закрепившееся в науке сравнение ареста М.А. Шангина с судьбой В.Е. Вальденберга (1871–1940) и вывод о том, что “репрессии их как будто не коснулись”, см.: *Брачев В.Н.* “Дело историков” 1929–1931 гг. СПб., 1998. С. 3; *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 498. Противоположную точку зрения о том, что М.А. Шангин был осужден, но отпущен не позднее 1934 г., см.: *Ростов А.* [*Сигрист С.В.*] Дело четырех академиков // Память: Ист. ст. Париж, 1981. Вып. 4. С. 483, 494; *Fonkič B.L., Poljakov F.B.* Schicksale der byzantinischen Philologie in Rußland im 20. Jahrhundert // *La Filologia Medievale e Umanistica Greca e Latina nel secolo XX: Atti del Congresso Internazionale*. Roma, Consiglio Nazionale delle Ricerche. Università La Sapienza. 11–15 dicembre 1989. Roma, 1993. P. 767–819 (P. 802, 804, 807). Попытки А.Г. Грушевого объяснить “конструкции обвинения” с привлечением как будто бы сходных данных по Шангину, Вальденбергу и А.И. Бриллиантову (1867–1930/33?), найти

- какую-то систему, здравый смысл в арестах представляются некорректными (*Грушевой А.Г.* А.И. Бриллиантов: история церкви и византиноведение // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004. С. 300–301).
- ²⁶ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов... С. 496; ГАРФ. Ф. Р–8409. Оп. 1. Д. 650. С. 129–131; Д. 771. С. 134–138; АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804.
- ²⁷ *Брачев В.Н.* Служители академической науки... С. 419–420, 444–445.
- ²⁸ Похожим образом по делу Академии наук был привлечен в 1930 г., осужден на 5 лет ИТЛ и освобожден из Белбалтлага по зачетам в 1933 г. вернувшийся в Ленинград историк и краевед Николай Павлович Анциферов (1889–1958) (*Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 416).
- ²⁹ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 2 об., 10 об.
- ³⁰ При описании дела № 1823 фонда В.И. Вернадского в Архиве РАН допущена неточность: письма М.А. Шангина написаны из городов “Тамбов, Ленинград, Крюков и др.”, тогда как на самом деле они написаны из Тамбова, Ленинграда, Севастополя и Москвы. Неточность произошла из-за адреса отправителя – Шангин жил в Ленинграде по адресу: Крюков канал, д. 28, кв. 3.
- ³¹ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 4, 11 об. Именно указание Шангина на непрерывную работу в ИИНИТ АН СССР с 1928 по 1936 г. позволило С.Н. Гуковой ошибочно утверждать, что ученый не был осужден по “академическому делу”, а сохранил и продолжал исполнять свои служебные обязанности. См. об этом: *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 498.
- ³² *Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum. Tomus XII. Codices Rossicos descripsit M. Šangin. Bruxellis, 1936. VIII, 268 pp., 6 tabulae;* каталог текстов и описаний астрологических рукописей сделан М.А. Шангиным на лат. яз., его автореф. на рус. яз. см.: *Шангин М.А.* XII том русских рукописей из “Каталога астрологических рукописей”: автореферат // ВДИ. 1939. Т. 1 (6). С. 178–185.
- ³³ *Шангин М.А.* Значение греческих астрологических рукописей в истории знаний // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 5. С. 305–317.
- ³⁴ *Шангин М.А.* Рец. на: *Catalogus codicum astrologorum graecorum. Vol. I–XII. Bruxelles, 1898* // Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935. Вып. V. С. 483–485; *Дмитриев А.Н.* Институт истории науки и техники... С. 16.
- ³⁵ Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Comptes-rendus. Bulletin d’Octobre–Décembre. P., 1936. P. 245; L’Antiquité classique. 1936. T. V. P. 485–487.
- ³⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 288. Л. 1.
- ³⁷ Выдающийся византинист и организатор науки академик Петербургской АН (1900) Федор Иванович Успенский (1845–1928) был соседом по квартире В.И. Вернадского в Петрограде в знаменитом “Доме академиков” № 2 на 7-й линии Васильевского острова (ныне наб. лейтенанта Шмидта, д. 1/2). В письмах Вернадскому в Ленинград Шангин передает приветы вдове своего учителя академика Успенского Надежде Эрастовне (1862–1942?). См.: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 2 об., 5. Нельзя не отметить, что ученицей Ф.И. Успенского и А.А. Васильева была жена М.А. Шангина – Александра Федоровна Вишнякова, которая в 1922 г. окончила Петроградский университет. С 1925 г. А.Ф. Вишнякова стала участницей Подкомиссии о византийско-русских договорах и была принята в качестве сверхштатного сотрудника Русско-византийской историко-словарной комиссии (*Барынина О.А.* Отечественное

- византиноведение... С. 98, 100, 103, 152, 170, 173, 195–196, 219, 237), заседания которой до смерти Ф.И. Успенского и позже проходили в его квартире по адресу: В.О. [Васильевский Остров], 7-я линия, д. 2, кв. 12 (Там же. С. 44–45). С.Н. Гукова отмечает, что в учетной анкете от 9 октября 1928 г. написано, что Шангин женат (*Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 498. Примеч. 12).
- ³⁸ В документе сделаны пропуски для вставок латинского шрифта от руки либо на другой печатной машинке, поэтому в квадратных скобках мы восполняем пропуски слов, которые должны были быть вставлены латиницей.
- ³⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 1–1 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 3–3 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 4–5 об.; о возможности его работы в библиотеках Москвы и Ленинграда в это время в течение двух–трех месяцев ходатайствовал помполит (“Помощь политическим заключенным”, 1918–1937), поскольку еще не истек его срок поражения в правах после лагеря. См.: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Sha.html> [просмотр от 08.04.2013].
- ⁴² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 10–10 об.
- ⁴³ Там же. Л. 12–12 об.
- ⁴⁴ Матвей Александрович Гуковский (1898–1971) – историк искусствовед; был учеником И.М. Гревса, стремился привлечь к деятельности ИИНИТ знакомых коллег-медиевистов высокой квалификации, близких также к О.А. Добиаш-Рожественской; работники ИИНИТа – М.А. Тиханова, И.И. Любименко, Е.Ч. Скржинская – вместе с Гуковским активно посещали в 20-е годы кружок на дому Гревса. Наряду с представителями и воспитанниками “старой школы” в числе историков техники преобладали люди новой формации, закончившие вузы в начале 30-х годов, – В.А. Каменский, Н.М. Раскин, М.И. Радовский, И.А. Ростовцев и др. См.: *Чумакова Т.В., Дмитриев А.Н.* История науки в Петербурге–Петрограде–Ленинграде: XX век, первая половина // *Науковедение.* 2004. № 1 (21). С. 194–210.
- ⁴⁵ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 7.
- ⁴⁶ Каталог греческих алхимических рукописей (Catalogue des manuscrits alchimiques grecs / Union académique internationale / Eds. J. Bidez, F. Cumont, J.L. Heiberg, O. Lagercrantz, A. Delatte, J. Ruska et d'autres), сокращенно СААГ – издавался в Брюсселе с 1924 по 1932 г., вышло восемь томов текстов и описаний рукописей из собраний Франции, Италии, Великобритании, Германии, Австрии, Дании, Голландии, Швейцарии, Испании, отдельный VI том посвящен сочинениям Михаила Пселла, VII – алхимическим текстам анонимных авторов, VIII – алхимическим знакам.
- ⁴⁷ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 8–8 об.
- ⁴⁸ Ср.: *Тункина И.В.* Академик В.П. Бузескул и судьба его книги “Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века” // *Бузескул В.П.* Всеобщая история... С. 25–26.
- ⁴⁹ *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 122–124.
- ⁵⁰ *Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941 гг. / отв. ред. В.П. Волков. Кн. 2: 1939–1941. М., 2006. С. 181, 182.
- ⁵¹ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 8–8 об.
- ⁵² Там же. Л. 9.
- ⁵³ Там же. Л. 10–10 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 11.
- ⁵⁵ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 7–7 об.

- ⁵⁶ С.Н. Гукова отмечает, что это единственное встретившееся ей упоминание не находит подтверждения в других документах, см.: *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 510, примеч. 54.
- ⁵⁷ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 5–5 об., 13–13 об.
- ⁵⁸ Нечто подобное, но в более жесткой форме, происходило и со списком работ Д.В. Айналова, который после 1934 г. вымарывает из названий собственных искусствоведческих работ слова и словосочетания, относящиеся к реалиям церковной жизни, доводя их до более безопасных сюжетов. См. об этом: *Анфертьева А.Н.* Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 290–291. С.Н. Гукова также отмечает, что начиная с конца 30-х годов занятия астрологическими сюжетами не могли вызвать одобрения и энтузиазма на фоне общей идеологической направленности исторической науки и Шангин не публикует более ни одного исследования, связанного с астрологическими сюжетами (*Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 512, примеч. 67).
- ⁵⁹ *Лебедев Н.С.* Византиноведение в СССР... С. 105–106. В более раннем историографическом обзоре астрологический каталог Шангина упоминает В.И. Пичета: *Пичета В.И.* Академия наук и византиноведение в советское время // Вестник АН СССР. 1945. № 5/6. С. 182–188 (ошибочно приведено название книги Шангина: “Catalogue codicum astra logicorum graecorum”, также с ошибкой воспроизводит название и Б.Т. Горянов в некрологе 1945 г. “Catalogue codicum astralogicorum graecorum”. См.: *Горянов Б.Т.* М.А. Шангин: Некролог... С. 3).
- ⁶⁰ *Дмитриев А.Н.* Институт истории науки и техники... С. 19–20.
- ⁶¹ Архив НЗХТ. Д. 391 (Личный состав 1935–1938 гг.). Л. 20 (направление Вишняковой от 23 марта 1936 г.), 21 (направление Шангина).
- ⁶² АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 10–10 об. Деборин (Июффе) Абрам Моисеевич (1881–1963) – философ, историк, экономист.
- ⁶³ Архив НЗХТ. Д. 391. Л. 22.
- ⁶⁴ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. № 1804. Л. 1 об. В личном листке М.А. Шангин, описывая свою работу с начала трудовой деятельности, в 1936–1937 гг. в графе место работы указывает “г. Херсонес” (на самом деле, конечно, это г. Севастополь).
- ⁶⁵ Из дневников В.И. Вернадского ясно, что Шангин при их встречах рассказывал о своем Севастопольском опыте работы – “Херсонесский музей весь пострадал: остались одни аспиранты. Важные ком(му)нисты, стоявшие во главе и с настоящим интересом – в странах дальних” (*Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941 / отв. ред. В.П. Волков. Кн. 1: 1935–1938. М., 2006. С. 305–306. В примечаниях допущена досадная неточность: комментаторы считают, что речь здесь идет о Бахчисарайском музее и о репрессиях среди крымскотатарской интеллигенции в 1937 г.).
- ⁶⁶ Архив НЗХТ. Д. 391. Л. 42.
- ⁶⁷ Архив НЗХТ. Д. 876. Л. 3.
- ⁶⁸ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1823. Л. 12–12 об.
- ⁶⁹ В Херсонесском музее в 1936–1937 гг. научных сотрудников всего 8 человек: Г.Д. Белов, Л.Н. Белова, В.П. Лисин – историки-археологи, Тахтай А.К. – археолог, Т.Н. Орлова – лектор по ленинизму (Комвуз и курсы марксизма), Н.М. Янышев – архитектор, М.А. Шангин и А.Ф. Вишнякова – историки-филологи (Архив НЗХТ. Д. 391. Л. 40–42).

- ⁷⁰ Архив НЗХТ. Оп. 2. Д. 361 (Протоколы научных совещаний музея за 1936–1937 гг.). Л. 35, 38, 39, 40, 41.
- ⁷¹ Там же. Л. 44–44 об.
- ⁷² Там же. Л. 45–45 об.
- ⁷³ Шангин М.А. Агглическая свинцовая табличка // ВДИ. 1938. Т. 1. С. 101–103; *Он же*. Некоторые надписи Херсонесского музея // Там же. Т. 3 (4). С. 72–87; Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // Там же. 1939. Т. 1 (6). С. 72–87.
- ⁷⁴ Архив НЗХТ. Д. 876 (Материалы по личному составу. Выписки из приказов, удостоверения, справки, заявления: 19.02.1936–13.06.1937 г.). Л. 94, 97, 98, 118–119.
- ⁷⁵ Архив НЗХТ. Д. 547 (Черновики различных дел. Гос. Херсонес. музея за 1937 г.). Л. 18–18 об.
- ⁷⁶ Там же. Д. 547. Л. 24, 28, 30–30 об. С просьбой ускорить пересылку книг Шангин обращается с письмом в книжный киоск АН СССР (В.О., Менделеевская линия, д. 1), по-видимому, к своей знакомой по прежней жизни в Ленинграде – Елене Казимировне Гейдрих, которая в конце 20-х годов была помощником библиотекаря и также проходила по “Академическому делу”, после чего была уволена с прежнего места службы с разрешением нижеоплачиваемой работы в системе Академии наук. См.: Репрессированные библиотекари БАН, Списки “Комиссии по чистке аппарата Академии Наук”, 1929 год // <http://www.rasl.ru/science/akKomisiy.php>; http://www.rasl.ru/science/Acaddelo/acadrepress_1929.php [просмотр от 06.04.2013].
- ⁷⁷ Арх. НЗХТ. Д. 547. Л. 28–33.
- ⁷⁸ Там же. Л. 34–35.
- ⁷⁹ Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1931. Т. 4: К десятилетию Советской власти в Крыму. С. 93–23; *Он же*. Крымские краеведческие и районные музеи на грани второй пятилетки // Советский музей. 1934. № 2. С. 54–62.
- ⁸⁰ Архив НЗХТ. Д. 876. Л. 99.
- ⁸¹ Там же. Л. 160 (“Ст. научного работника Шангина М. Антониновича согласно научной командировки Н.К.П. РСФСР – с 15 мая [1937 г.] по истечении командировки считать уволенным”). Сохранившиеся копии документов в Архиве НЗХТ (Д. 547. Л. 20 и далее б/н) доносят до нас свидетельства о целой волне увольнений сотрудников музея по собственному желанию начиная с июня 1937 г., а в сентябре сменился и директор (Архив НЗХТ. Оп. 2. Д. 37. Л. 46, 47, 79).
- ⁸² АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 4, 11 об. Итоги его исследований по перечисленным темам были опубликованы позже, когда он получил постоянное место работы: Шангин М.А. 1) Новый географический текст // ВДИ. 1938. Т. 4 (5). С. 252–255; 2) Византийский писатель Арефа – автор “Слова о мире с болгарями 927 г.” // Историк-марксист. 1939. Т. 3. С. 117; 3) Отрывок из неизвестного произведения Оссиана // Там же. Т. 3(8). С. 137; 4) Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит // Историк-марксист. 1940. Т. 2. С. 168; 5) [Рец.]: Левченко М. История Византии (краткий очерк) М.; Л., 1940. 262 с. // Там же. Т. 12. С. 120 – 121; 6) Два договора // Историк-марксист. 1941. Т. 2. С. 114–115; 7) Византийские мероприятия по охране границ // Там же. Т. 4. С. 89–92; 8) Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками // Там же. Т. 5. С. 111; 9) “Записка греческого топарха” как источник

- о войне русских на Балканах 970 г. и зимой 971 г. // Исторический журнал. 1941. Т. 9. С. 120–123; 10) История славян в трудах русских византистов // Там же. Т. 12. С. 134–137.
- ⁸³ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 4 об., 11 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 8.
- ⁸⁵ Митрофан Васильевич Левченко (1890–1955) – историк, византист, автор первого марксистского обзора византийской истории (История Византии. Краткий очерк. М.; Л., 1940).
- ⁸⁶ Эта тема исследований М.А. Шангина пересекалась с темой занятий М.В. Левченко, у которого в 1956 г. посмертно вышла книга “Очерки по истории русско-византийских отношений” (о судьбе рукописи см.: *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 512, 516). В любом случае М.В. Левченко активно использовал находящуюся в его время в архиве ЛОИИ рукопись этой работы М.А. Шангина, см.: *Левченко М.В.* Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке (“Записка греческого топарха”) // ВВ. 1951. Т. IV. С. 42–72; П.О. Карышковский ссылается на “некоторые случайные упоминания хранящейся в ЛОИИ рукописи покойного М.А. Шангина”, как раз имея в виду упомянутую работу М.В. Левченко (см.: *Карышковский П.О.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. Т. 6. 1953. С. 37. Примеч. 2).
- ⁸⁷ *Шангин М.А., Вишнякова А.Ф.* Существовала ли “внешняя Русь”? // ВВ. 1958. Т. 14 (26). С. 97–98 (из всех русских византистов только он, а значительно позже А.В. Соловьев и А.В. Назаренко обратили внимание на трудное однозначного толкования пассажа о “внешней Руси” трактата “Об управлении империи” Константина Багрянородного); *Шангин М.А., Вишнякова А.Ф.* Из комментария к “Записке греческого топарха” // Там же. С. 99–102.
- ⁸⁸ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 17. В документах о получении звания старшего научного сотрудника Шангин фигурирует в паре с египтологом М.А. Коростовцевым (1900–1980). В отличие от М.А. Коростовцева, помимо характеристики с места работы, у Шангина дополнительно приложены два отзыва академиков.
- ⁸⁹ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 12, 15, 16, 18.
- ⁹⁰ Там же. Л. 7–7 об. См.: *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 510, 511–512. Свои автобиографии М.А. Шангин заканчивает фразой: “данные могут подтвердить академики Крачковский и Тарле и проф. Ленинградского Университета Б.Л. Богаевский” (АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 4 об., 11 об.). Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) – филолог, историк, археолог; по-видимому, М.А. Шангин был знаком с ним по Томскому университету (*Леушина Л.Т., Фоминых С.Ф.* Классическая филология... С. 117).
- ⁹¹ *Формозов А.А.* Рассказы об ученых. Курск, 2004. С. 109–111.
- ⁹² Попутно отмечу, что И.Ю. Крачковскому принадлежит одна из лучших книг об изучении восточных средневековых манускриптов: *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. М.; Л., 1945 (4-е изд., 1965).
- ⁹³ Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) – российский историк, архивист, библиограф, в 1938–1939 гг. был и.о. заведующего Ленинградским Отделением ИИ АН СССР.
- ⁹⁴ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1804. Л. 12.
- ⁹⁵ *Шангин М.А.* Византийские политические деятели первой половины X в. // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 228–248.; *Он же.* “Эллинские изре-

чения” в греческой литературе IV–VIII вв. // ВДИ. 1946. Т. 2 (16). С. 119–121; *Он же*. Письма Арефы – новый источник о политических событиях в Византии 931–934 гг. // ВВ. 1947. Т. I (26). С. 235–260.

⁹⁶ Например, в архиве В.И. Вернадского в фонде материалов “Картотека ученых” (выписки, заметки, газетные вырезки об отдельных деятелях науки, которых большей частью Вернадский знал лично или с которыми ему приходилось встречаться в своей жизни) есть карточка с именем М.А. Шангина. На этой карточке с собственноручной датирующей пометой Вернадского наклеена вырезка из газеты “Известия” от 19. XI. 1940, объявляющая о защите М.А. Шангиным докторской диссертации (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 198. Л. 152), которая тогда не состоялась. См.: *Курышева М.А.* “The time is out of joint”: академик В.И. Вернадский и историк М.А. Шангин // *Грани гуманитарного знания*. Сборник статей к 60-летию С.П. Щавелева. Курск, 2013. С. 435–440.

⁹⁷ *Гукова С.Н.* М.А. Шангин: жизнь и творчество... С. 511–512, 516–519.

⁹⁸ *Горянов Б.Т.* М.А. Шангин: Некролог... С. 383.

⁹⁹ *Курбатов Г.Л.* Византиноведение в Ленинграде в 1950–1956 гг. // ВВ. Т. XII. М., 1957. С. 351; *Соколов Н.П.* Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959. С. 14. По публикациям в разделе Хроника “Византийского Временника” вырисовываются следующие вехи послевоенной биографии А.Ф. Вишняковой (по характеристике из Херсонесского музея известно, что она родилась в 1900 г.: Архив НЗХТ. Д. 391. Л. 42): осенью 1945 г. она – доцент Краснодарского педагогического института – на заседании византийской группы ЛОИИ делает доклад “Письма Арефы Кесарийского как исторический источник”, основанный на неизданных произведениях Арефы, “обнаруженных в рукописи Московского Исторического Музея ею и покойным проф. М.А. Шангиным”; в октябре 1945 г. А.Ф. Вишнякова на заседании Ученого совета исторического факультета Педагогического Института защитила диссертацию на тему “Письма Арефы Кесарийского как исторический источник” (оппоненты – академик Е.А. Косминский и А.К. Бергер); в мае 1946 г. она делает доклад на заседании византийской группы ЛОИИ на основе изучения таблички магического письма, найденной в собрании Краснодарского краеведческого музея, на тему: “Зарождение магического письма и его развитие”; в 1946–1947 гг. А.Ф. Вишнякова – старший научный сотрудник кафедры византиноведения ЛГУ – делала доклад о византийской философии X в. по материалам произведений Арефы Кесарийского. См. об этом: *Горянов Б.Т.* Византиноведение в СССР в 1945 и 1946 гг. // ВВ. М.; Л., 1949. Т. II (27). С. 377–379; *Литишц Е.Э.* Византиноведение в Ленинграде в 1946 и 1947 гг. // Там же. С. 389; ее публикации выходят еще в 1951–1952 гг. См.: *Вишнякова А.Ф., Каждан А.П.* [Рец.] Новые материалы по аграрной истории Византии в XIII – XIV вв. // ВВ. 1951. Т. 4. С. 207–210; *Вишнякова А.Ф.* [Рец.] В. Николаев. Славянобългарският фактор в христианизация на Киевска Русия. Българска Академия на науките, София, 1949, 168 стр. // ВВ. 1952. Т. 5. С. 276–279). При посмертной публикации работ М.А. Шангина (см. примеч. 87) отметим одно странное обстоятельство: в томе (ВВ. 1958. Т. 14 (26). С. 243) указано, что место пребывания А.Ф. Вишняковой – Владивосток (sic!). Дальнейшая судьба и более поздние публикации А.Ф. Вишняковой мне неизвестны.

СОДЕРЖАНИЕ

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ

Ю.Е. Арнаутова

ВВЕДЕНИЕ 5

С. Кланп

ЖЕНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ОБЩИНЫ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ВЕРХНЕГО РЕЙНА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ СВ. СТЕФАНА В СТРАСБУРГЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ) 9

З. Хирбодиан (Шмитт)

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”: ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 32

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК: ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА 57

Е.Б. Смилянская

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ КОНЦА XX ВЕКА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПОЛЕВОГО АРХЕОГРАФА) 90

О.И. Тогоева

“ОСТАВИВШИЕ СОЗДАТЕЛЯ И ОБРАТИВШИЕСЯ К САТАНЕ”. ВЕДОВСКИЕ СЕКТЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 115

ПРАВИЛО СВЯТОГО ЦЕЗАРИЯ [Арльского] 133

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Экле

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН 157

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Воскобойников

СНОВА О ТЕЛЕ КОРОЛЯ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ОТТОНОВСКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ 177

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

М.Р. Ненарокова

СВ. ОСВАЛЬД НОРТУМБРИЙСКИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТИАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 205

Н.А. Ганина

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ У МЕХТИЛЬДЫ МАГДЕБУРГСКОЙ..... 242

О.Е. Кошелева

ИИСУС КАК УЧИТЕЛЬ В РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ..... 329

П.-А. Будин

ВЕДОВСТВО В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ. БАХТИНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 346

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курьшева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА 364

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.А. Ганина

ДУХОВНЫЙ СТРАСБУРГ

Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012 388

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro.
Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 393

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003–2012. СПб., 2013..... 415

IN MEMORIAM

ЖАК ЛЕ ГОФФ (1.01.1924–1.04.2014) 422

SUMMARIES..... 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 431

CONTENTS

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? WOMAN IN A RELIGIOUS COMMUNITY

Yulia E. Arnautova

INTRODUCTION 5

Sabine Klapp

WOMEN'S CONVENTS IN THE CITIES OF UPPER RHINE: THE CASE OF
THE CONVENT OF ST. STEPHEN IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG 9

Sigrid Hirbodian

“WILD, LECHEROUS AND UNSPIRITUAL SISTERS”: WOMEN'S
CONVENTS IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG..... 32

Anna Yu. Seregina

A DEFENDER OF FAITH AND A STREET PREACHER: LUISA DE
CARVAJAL IN THE EARLY 17TH CENTURY LONDON..... 57

Elena B. Smilyanskaya

WOMEN'S SPIRITUAL LEADERSHIP IN AN OLD BELIEVER
COMMUNITY AT THE END OF THE 20TH CENTURY: FIELD NOTES..... 90

Olga I. Togoeva

“THOSE WHO FORSOOK THE CREATOR AND TURNED TO SATAN”:
WITCHES' SECTS OF THE LATE MIDDLE AGES 115

CESARIUS OF ARLES *REGULA AD VIRGINES* 133

THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

“HISTORY” AS SCIENCE – “HISTORY” AS NOVEL..... 157

IMAGES AND POLITICAL HISTORY

Oleg S. Voskoboinikov

ONCE AGAIN ON THE KING'S TWO BODIES. TOWARDS THE POETIC
OF OTTONIAN BOOK ILLUMINATION 177

RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

Maria R. Nenarokova

THE HOLY KING OSWALD OF NORTHUMBRIA: THE TRANSFORMA-
TION OF A CHRISTIAN RULER'S IMAGE IN THE MEDIEVAL LATIN
LITERATURE 205

<i>Natalia A. Ganina</i>	
MECHTHILD OF MADGEBURG'S SPACE AND TIME.....	242
<i>Olga E. Kosheleva</i>	
JESUS AS A TEACHER IN 16 TH AND 17 TH CENTURY RUSSIAN SCHOOL TEXTS.....	329
<i>Per-Arne Bodin</i>	
WITCHES IN BOTEÅ.....	346

HISTORIAN AND TIME

<i>Marina A. Kurysheva</i>	
HISTORIAN OF BYZANTIUM MSTISLAV SHANGIN: THE UNREMEMBERED MASTER.....	364

REVIEWS

<i>Natalia A. Ganina</i>	
SPIRITUAL STRASBOURG	
Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.....	388
<i>Natalia G. Terekhova</i>	
ITALIAN MICRO-HISTORY: TWENTY FIVE YEARS LATER	
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011.....	393
<i>Andrei N. Alexeev, Alexandre Yu. Daniel</i>	
RIGHT TO NAME	
Biographica in the 20 th century. Veniamin Ioffe Memorial Conference. Selection. 2003–2012. Sankt-Peterburg, 2013.....	415
IN MEMORIAM	
G. LE GOFF (1.01.1924–1.04.2014).....	422
SUMMARIES	425
ABOUT AUTHORS	431